

Тоталитаризм или биополитика? К вопросу о философской интерпретации XX века

Роберто Эспозито — профессор теоретической философии, Высшая нормальная школа; Пиза, Италия; e-mail: roberto.esposito@sns.it

*Пер. с английского*¹: Михаил Журавлев — аспирант философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова; Москва, Россия; e-mail: zj-mk@yandex.ru

Ключевые слова: жизнь, власть, биополитика, демократия, тоталитаризм

В статье Роберто Эспозито обращается к двум противоположным способам философской интерпретации XX века: парадигме тоталитаризма и парадигме биополитики. Он утверждает, что философским основанием парадигмы тоталитаризма, представленной в работах Ханны Арендт, Якова Тальмона, Раймона Арона, Франсуа Фюре, Марселя Гоше и Клода Лефора, является историцизм, нацеленный на поиск истоков и предполагающий непрерывность и направленность истории. Автор указывает на ряд апорий, присущих этой парадигме, и делает вывод о логической неконсистентности категории тоталитаризма. Что касается парадигмы биополитики, она восходит к генеалогии Ницше, получает развитие у Фуко и подразумевает интерпретацию истории как истории конфликтов и наложений между различными векторами смысла. Рассматривая эту парадигму, автор настаивает на теоретической несостоятельности двух концептуальных слияний: с одной стороны, нацизма и коммунизма, с другой стороны, либерализма и демократии. Коммунизм принадлежит философской традиции Запада, тогда как нацизм — не политическая философия, а скорее политическая биология — из нее выпадает. Согласно Эспозито, исторически либеральной демократии никогда существовало, а с философской точки зрения понятия демократии

¹ Перевод выполнено по изданию: Esposito R. Totalitarianism or Biopolitics? Concerning a Philosophical Interpretation of the Twentieth Century / R. Esposito // *Critical Inquiry*. – 2008. – Vol. 34. – No. 4. – P. 633–644. Публикуется с любезного разрешения автора.

и либерализма попросту несовместимы. Он утверждает, во-первых, что существует определенная культурная и языковая близость между нацизмом и либерализмом (в обоих случаях центральное значение имеет *bios* как объект и субъект политики), и, во-вторых, что коммунизм следует рассматривать как пароксизмальное завершение демократии. Автор указывает на невозможность функционирования традиционной демократии в условиях биополитического поворота и ставит вопрос о том, что могла бы представлять из себя новая биополитическая демократия — или демократическая биополитика.

1

что означает *интерпретировать XX век философски*? Мы можем привести два разных и в чем-то противоположных ответа. Первый из них был предложен классической философской традицией двадцатого века, самые прославленные представители которой — Эдмунд Гуссерль, Мартин Хайдеггер и Жан-Поль Сартр. Для этой традиции философия и только она одна способна дать ключ к пониманию событий современной истории, выразить их сущностный смысл. Не столь важно, где будет найден этот ключ: в кризисе европейских наук (Гуссерль), в историческом шествии нигилизма (Хайдеггер) или же в освобождении угнетенных (Сартр). Так или иначе, понимание истории соотнобразуется с внутренними требованиями самой философии, которая стремится придать смысл событиям прошлого и внести порядок в движение истории. Таким образом, философия навязывает себя истории: как если бы только она одна была способна охватить множество фактов единым движением смысла и, наоборот, как если бы без нее история лишалась какого-либо значения.

Первому ответу, который, следует признать, имел серьезнейшие интеллектуальные следствия, мы можем противопоставить другой ответ, переворачивающий его логику. А именно, что движение истории уже не подчиняется требованиям данной философии; напротив, в исторических событиях обнаруживаются характеристики или элементы, которые сами по себе являются философскими. Смысл больше не накладывается на события извне в соответствии с определенной философской перспективой. Теперь речь скорее идет о том, как зарождается смысл, как он конституируется самими фактами — их новизной, масштабом и последствиями. Возможно, это из-

менение точки зрения ощущается также в том, что великая традиция философии двадцатого века — от Хайдеггера до Витгенштейна, включая Кожева — определила, с одной стороны, как «конец философии», а с другой — как «конец истории». В действительности, если чему и пришел конец, так это возможности видеть в истории объект философской рефлексии. Теперь история становится уже не объектом, а, если угодно, субъектом философии, тогда как философия, в свою очередь, перестает быть формой истории и становится ее содержанием.

Если события нашего времени обладают философской глубиной, то наша задача заключается уже не в том, чтобы придать надлежащий смысл ходу истории, а в том, чтобы обратиться к смыслу, который изначально присутствует в этих событиях. Вопреки тому, что предполагали все философии истории — вне зависимости от того, прогрессистские они или пессимистические, воспринимают историю как восхождение или, напротив, как упадок, — история не обладает единственным и предзаданным смыслом, а складывается из встреч и столкновений множества различных семантических векторов, которые часто соперничают друг с другом. Вопреки тому, что предполагали все философии истории — вне зависимости от того, прогрессистские они или пессимистические, воспринимают историю как восхождение или, напротив, как упадок, — история не обладает единственным и предзаданным смыслом, а складывается из встреч и столкновений множества различных семантических векторов, которые часто соперничают друг с другом. Безусловно значимые события, такие как террористическая атака на Башни-близнецы, опрокидывают существующие горизонты смысла и тотчас открывают новые. Когда мы используем слово «философский» по отношению к современной истории, мы не имеем в виду, что только философия предоставляет адекватные средства для ее понимания, в отличие от более ограниченных подходов экономики, социологии или политологии (как предлагал несколько лет назад Аугусто дель Ноче)². Мы лишь утверждаем, что решающие события современной истории (мировые войны, появление технологий, глобализация и терроризм) сами по себе являются философскими силами, которые стремятся господствовать над миром и его интерпретацией — и, следовательно, установить его предельный горизонт его смысла. Именно поэтому еще

² См.: Del Noce A. L'Interpretazione transpolitica della storia contemporanea / Del Noce A. — Naples: Guida, 1982. — 47 p. — ISBN 9788870421613.

до того, как в игру вступят нефть, оружие и демократия, метафизические ставки конфликта сущностно определяют то, как мы будем понимать современную историю.

2

Теперь я хотел бы соотнести эти две модальности понимания современной истории — традиционную *философию истории* и *историю как философию* — с двумя герменевтическими парадигмами, которые часто смешивают и накладывают друг на друга, но которые, на мой взгляд, являются взаимоисключающими как в своих предпосылках, так и в своих следствиях. Я говорю о парадигмах тоталитаризма и биополитики. Несмотря на попытки объединить эти парадигмы в рамках подхода, где одна из них становится продолжением и обоснованием другой (биополитический тоталитаризм или тоталитарная биополитика), в действительности мы имеем дело с интерпретационными моделями, которые не только не совпадают в своей логике, но и заведомо исключают друг друга. Дело не столько в их содержании, сколько в том, как они определяют отношение *между* философией и историей и как они истолковывают задачу философского мышления истории.

В модели тоталитаризма история понимается как непрерывная хронологическая последовательность, внутри которой две непримиримые альтернативы, демократия и тоталитаризм, поочередно приходят на смену друг другу. Длительная фаза общего развития либеральной демократии сменяется в середине прошлого века тоталитарным периодом как на Западе, так и на Востоке; этот период, в свою очередь, завершается двумя победами западной либерально-демократической модели (первая произошла в 1945 году, вторая — в 1989 году). Таким образом, мы получаем одновременно историческую и философскую конфигурацию: период до 1920-х годов, мыслится как время прогресса, затем его сменяет регресс; во второй половине XX столетия история вновь принимает верное направление, и начинается новый подъем (хотя и возникают новые риски, связанные, прежде всего, с Исламским миром). Подобная динамика имеет место при сущностном единообразии форм, содержаний и языков (в действительности временами глубоко различных). Я имею в виду не только нацизм и коммунизм, которые сливаются в единый концептуальный блок, но также единство либерализма и демократии: такая

философия истории более склонна накладывать их друг на друга, нежели проводить между ними различия.

Тоталитарная парадигма рождается из традиционной философии истории, о чем свидетельствует ее постоянное (и противоречивое) обращение к категории *истока*. Неслучайно, что этот термин появляется в названии двух важнейших политических работ прошлого века — «Истоков тоталитаризма» Ханны Арендт и «Истоков тоталитарной демократии» Якова Тальмона. Разговор об истоках недвусмысленно указывает на то, что, хотя категория тоталитаризма и претендует на концептуальную новизну, ее философские основания являются совершенно классическими³. И Арендт и Тальман ставят следующие вопросы: каково происхождение тоталитаризма? что вызывает его к жизни? какова первооснова всего того, что принес в мир тоталитаризм XX века? Но именно здесь проявляется первая антиномия данной интерпретативной парадигмы: как возможно проследить происхождение феномена тоталитаризма, если он, как утверждает Арендт, резко отличается от всех прочих форм правления, ввиду чего его возникновение не может быть вписано в каузальный ряд какой-либо генеалогии? Зачем искать исток того, что, как кажется, не имеет истока? Как одновременно удержать принципиальный исторический разрыв, то есть абсолютную новизну тоталитаризма, и в то же время непрерывность происхождения, его неразрывную связь с истоком?

Хотя Арендт и Тальмон предлагают различные интерпретации, обе они разработаны в русле философского историцизма. Согласно Арендт, вся западная политическая традиция восходит к изначальной утрате греческого полиса. Соответственно, вся последующая история обречена на процесс деполитизации, которому суждено слиться с антиполитическим дрейфом тоталитаризма. Общая динамика и, что более важно, единая логика тоталитаризма XX века совпадают со столь же гомогенной логикой Модерна в целом и завершают ее (возникновение тоталитаризма было если и не с необходимостью предрешено, то в сущности подготовлено, требовались лишь определенные условия). Анализируя эти процессы, Арендт обнаруживает внезапное ускорение, которое имело место между Модерном и тоталитаризмом: оно позволяет различить их черты, но они оба принадлежат к одной и той же исторической траектории, которая начинается с Гоббса

³ См.: Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. — М.: ЦентрКом, 1996. — 672 с. — ISBN 5-87129-006-X. А также: Talmon J. L. The Origins of Totalitarian Democracy / J. L. Talmon. — London: Secker & Warburg, 1952. — 366 p.

(Арендт довольно грубо характеризует его как философа, «снабдившего политическую мысль предпосылкой для всех расовых теорий»⁴) и обрывается на пороге бездны Освенцима и Колымы. Другая интерпретация, предложенная Тальмоном (а также в несколько модифицированном виде Франсуа Фюре), пытается отыскать истоки тоталитаризма внутри самой демократической традиции, Другая интерпретация, предложенная Тальмоном (а также в несколько модифицированном виде Франсуа Фюре), пытается отыскать истоки тоталитаризма внутри самой демократической традиции, которой он должен противопоставляться⁵. В этом случае смысл тоталитаризма обнаруживается в изначальном недуге (*malattia*), который, если его не получается найти у Гоббса, возводят к Руссо, и который, если он уже не лежит у истоков Модерна, относится к его решающему событию — Французской революции. Но здесь парадигма тоталитаризма оказывается в плену второй антиномии: ссылаясь на Французскую революцию, которая, по словам Фюре, является самой крайней формой демократического деспотизма, еще можно объяснить коммунизм, но какое отношение это имеет к нацизму?

Даже для монументального сочинения Арендт характерны подобные логические и исторические трудности. Текст «Истоков тоталитаризма» обнаруживает характерную асимметрию. В первой части мы находим внушительную генеалогическую реконструкцию нацистского антисемитизма военного периода; следующая часть, затрагивающая возникновение сталинизма и, очевидно, обусловленная климатом холодной войны, гораздо слабее. Можно попытаться объяснить этот перекокс эмпирически, ссылаясь на отсутствие доступа к советским архивам. Однако в действительности он затрагивает наиболее проблематичный момент всей интерпретационной модели Арендт. А именно, он связан с попыткой отыскать корни советского коммунизма в том же дегенеративном дрейфе, который породил нацизм (от кризисов национального государства к колониальному империализму и стремительному распространению биологического расизма). Возникает вопрос: как удержать в едином категориальном горизонте такую гипернатуралистическую концепцию, как нацизм,

⁴ Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. – М.: ЦентрКом, 1996. – С. 227.

⁵ См.: Furet F. Revolutionary France, 1770–1880 / F. Furet. – Oxford: Blackwell, 1992. – 630 p. – ISBN 978-0631170297; Furet F. The Passing of an Illusion: The Idea of Communism in the Twentieth Century / F. Furet. – Chicago: University of Chicago Press, 1999. – 596 p. – ISBN 978-0226273419.

и историцистский пароксизм коммунизма? Как объединить теорию абсолютного равенства — а именно это предполагает коммунизм, по крайней мере, на уровне своих философских принципов — с теорией и практикой абсолютного различия, которые мы находим в нацизме? Таким образом, парадигма тоталитаризма, основанная исключительно на противопоставлении периодов демократии и периодов тоталитаризма, обнаруживает логические, категориальные и языковые цезуры, которые пронизывают всю современную историю и которые едва ли могут быть вписаны в рамки этой бинарной оппозиции.

Те же самые логические и исторические трудности, из-за которых «Истоки тоталитаризма» Арендт остаются монументальным трудом *о нацизме* (в то время как рассмотрение коммунизма отходит на второй план), становятся причиной того, почему Раймон Арон, Тальмон и Фюре, напротив, занимаются исключительно коммунизмом⁶. Арон в книге *«Демократия и тоталитаризм»* объясняет, почему он решил (или вынужден был) обойти в своем анализе другой полюс тоталитарной парадигмы: его интересуют только те режимы, которые провозглашают себя демократическими, но в действительности представляют собой извращенное отклонение от демократии. Тальмон и Фюре (а также Марсель Гоше и Клод Лефор) согласны с Ароном: левый тоталитаризм рождается из пораженного недугом ребра демократии и, следовательно, является ее частью⁷. Более того, тоталитарный режим возникает не из недостатка, а скорее из избытка демократии, из демократии настолько радикальной, экстремальной и абсолютной, настолько полной эгалитаризма, что она пересекает свои собственные формальные границы и схлопывается в свою противоположность. Коммунизм — таков тезис Гоше — устанавливается путем перверсивного искажения демократической модели, которая

⁶ См.: Арон Р. Опиум интеллектуалов / Р. Арон. — М.: АСТ, 2015. — 480 с. — ISBN 978-5-17-081909-6; Aron R. Democracy and Totalitarianism: A Theory of Political Systems / R. Aron. — Ann Arbor: University of Michigan Press, 1990. — 262 p. — ISBN 978-0472064519; Aron R. Power, Modernity, and Sociology: Selected Sociological Writings / R. Aron / D. Schnapper (ed.). — London: Edward Elgar Publishing, 1988. — 234 p. — ISBN 978-1852780302.

⁷ См.: Gauchet M., Swain G. Madness and Democracy: The Modern Psychiatric Universe / M. Gauchet, G. Swain. — Princeton: Princeton University Press, 1999. — 360 p. — ISBN 978-0691033723; Gauchet M. La Révolution des pouvoirs: La Souveraineté, le peuple, et la représentation, 1789–1799 / M. Gauchet. — Paris: Gallimard, 1995. — 304 p. — ISBN 978-2070742974; Gauchet M. La Révolution des droits de l'homme / M. Gauchet. — Paris: Gallimard, 1989. — 341 p. — ISBN 2-07-071583-3; Lefort C. Writing: The Political Test / C. Lefort. — Durham: Duke University Press Books, 2000. — 312 p. — ISBN 978-0822325208; Lefort C. La Complication: Retour sur le communisme / C. Lefort. — Paris: Fayard, 1999. — 257 p. — ISBN 978-2213603155.

искажает ее черты, но основывается на тех же предпосылках. Коммунизм — одновременно мечта демократии и ее ночной кошмар. Здесь мы ясно можем видеть цепочку апорий всей тоталитарной парадигмы. С одной стороны, если коммунизм не только расположен в концептуальном горизонте демократии, возникшем после Французской революции, но и в определенном смысле доводит демократию до предела в своем избытке эгалитаризма, не разрушает ли это основополагающее для всего дискурса различие между тоталитаризмом и демократией? Может ли тоталитаризм находиться в оппозиции по отношению к тому, что является его истоком? С другой стороны, если в случае коммунизма такая антиномическая связь с демократией действительно имеет место, то, очевидно, невозможно утверждать нечто подобное о нацизме, который остается за границами аналитической рамки всех упомянутых авторов. Но тогда сама категория тоталитаризма утрачивает логическую консистентность. Таким образом, тоталитарная парадигма не находит твердых оснований ни в истории, ни в философии.

3

В отличие от парадигмы тоталитаризма, биополитическая парадигма не основана на философской пресуппозиции: минуя историцизм, она обращается к конкретным событиям — не только к фактам, но и к языкам, которые позволяют этим фактам войти в поле рациональности. Еще до фукианского анализа биополитики Ницше предложил проект генеалогии, частью которого была деконструкция понятия истока (истока, который после и в обход Ницше продолжали искать теоретики тоталитаризма). Поэтому именно обращение к Ницше позволит раскрыть новую перспективу понимания истории. Если не существует единого и абсолютного истока исторического процесса, если первоначально никогда не было чем-то одним, если оно всегда расщеплено, так что начала множатся, то в поиске истоков нет никакого смысла. В этом состоит урок Ницше, резко выступавшего против всевозможных форм философского историцизма. Более того, в таком случае само историческое событие Запада невозможно свести к одной-единственной линейной перспективе. Интерпретация Модерна глубинным образом меняется: история, пересеченная множеством горизонтальных и вертикальных разрывов, утрачивает единство и непрерывность. Кроме того, если тоталитарная парадигма

замыкает событие в узких рамках языка политического анализа, то биополитика делает возможным раскрытие более сложных отношений, возникающих из встреч, конфликтов и наслоений словарей различных дисциплин, которые взаимодействуют между собой и Интерпретация Модерна глубинным образом меняется: история, пересеченная множеством горизонтальных и вертикальных разрывов, утрачивает единство и непрерывность. Кроме того, если тоталитарная парадигма замыкает событие в узких рамках языка политического анализа, то биополитика делает возможным раскрытие более сложных отношений, возникающих из встреч, конфликтов и наслоений взаимодействующих друг с другом словарей различных дисциплин. Появление на сцене биологической жизни является событием исторического разрыва, однако оно вовсе не обязательно склоняет современную философию к деполитизации, как предполагает модель Арендт. Напротив, оно открывает для философии различные семантические векторы, которые частично накладываются друг на друга, но не сходятся в единую линию. Сила биополитической перспективы заключается именно в ее способности истолковывать эти переплетения и конфликты, обнаруживать брешь в поле смысла и распознавать ее следствия, а именно, важнейшую антиномию между пересекающимися, но изначально гетерогенными языками — между языком политики и языком биологии. Что случается, когда внешнее — жизнь — вторгается в политику, тем самым нарушая ее предполагаемую автономию и смещая дискурс в новую область, которая не сводится к традиционным понятиям *демократии, власти и идеологии*?

Чтобы поставить вопрос о радикальной гетерогенности феномена нацизма, необходимо рассмотреть его в перспективе биополитики. Не прибегая к самым поздним интерпретациям, Эрнст Нольте, которого нельзя заподозрить в прогошитских симпатиях, указал на теоретическую ошибочность объединения идеологии коммунизма (какими бы катастрофическими ни были его политические последствия) с нацизмом в рамках общего концептуального словаря⁸. Вопреки утверждению Арендт, их ни в коем случае нельзя подводить под одну категорию. Дело в том, что нацизм вообще не является идеологией, то есть не принадлежит измерению идей, из которого, в свою очередь, возник коммунизм в марксистском изводе. Нацизм не принадлежит роду «тоталитаризм», поскольку он находится вне

⁸ См.: Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм / Э. Нольте. – М.: Логос, 2003. – 528 с. – ISBN 5-8163-0046-6.

западной традиции (традиции, которая, помимо всего прочего, породила философию коммунизма). Более того, именно в противовес этой традиции – которой, несмотря на все различия, принадлежат как коммунизм, так и либерализм, поскольку на фундаментальном уровне они разделяют общий ориентир на универсальную и трансцендентную идею, — нацизм разрабатывает радикально иную концепцию, которая больше не нуждается в легитимации со стороны какой-либо идеи, и находя свое сущностное основание в простой материальной силе. Последняя не является продуктом истории, контингентным либо необходимым, определяющим отношения между людьми на основании свободных решений или, как утверждает коммунизм, на основании социальных условий; скорее, это абсолютно естественный факт, который касается голой биологической жизни. Признать, что нацизм предпринял беспрецедентную попытку освобождения природных свойств существования от каких бы то ни было исторических детерминаций — значит, опрокинуть тезис Арендт о возможности объединения нацистской философии природы и коммунистической философии истории под рубрикой тоталитаризма. Они абсолютно несовместимы, и, следовательно, само понятие тоталитаризма оказывается несостоятельным с философской точки зрения.

В перспективе биополитики XX век, да и весь Модерн в целом, определяется не поверхностным и противоречивым противопоставлением тоталитаризма и демократией, но более глубокой — поскольку она касается сохранения жизни — антитезой между историей и природой, историзацией природы и натурализацией истории. Эта антитеза является более глубокой еще и потому, что ее невозможно представить в форме бинарной оппозиции: понятая биологически (как в нацизме), природа становится не анти-историей, то есть философией или идеологией, противопоставленной истории, а, скорее, не-философией и не-идеологией.

Нацизм — это не политическая философия, а политическая биология, политика жизни (причем жизнь — одновременно субъект и объект политики), превращенная в свою противоположность, ставшая машиной для производства смерти. Как писал в 1930-е годы Эммануэль Левинас, в нацизме биологическое фатальным образом становится не просто объектом духовной жизни, а ее ядром⁹. Именно этот чисто биологический и, как следствие, танатополитический элемент

⁹ См.: Levinas E. Reflections on the Philosophy of Hitlerism / E. Levinas // Critical Inquiry. – 1990. – Vol. 17. – P. 62–71.

нацизма делает категорию тоталитаризма исторически и теоретически непригодной (и дело тут даже не в количестве жертв нацистского режима).

4

Вопреки иллюзиям тех, кто полагал, что коллапс так называемых тоталитаризмов — один из которых породил катастрофу мирового масштаба, а другой схлопнулся под собственным весом — позволит нам вернуться к старому политическому словарю, проблема биополитики теперь становится как никогда актуальной. С этой точки зрения, окончание Второй мировой войны вовсе не знаменует собой победу альянса демократии и коммунизма ни на уровне языка, ни на уровне материальной практики. Если кто и вышел победителем, так это либерализм. Однако либерализм принадлежит к тому же биополитическому режиму, который, хотя он и был ориентирован в противоположном направлении, привел к нацизму. В определенном смысле нацизм гораздо более современен, чем коммунизм: он выходит из войны окончательно побежденным в военном и политическом отношении, однако в плане культуры и языка вновь утверждается центральное значение *bios*'а¹⁰ как объекта и субъекта политики, даже если оно претерпело изменения под влиянием либерализма. А именно, теперь не государство, а сам индивид присваивает свое тело и регулирует его возможные модификации, будучи собственником (*proprietary*) самого себя. Если человек для нацизма есть его тело и ничего больше, то для либерализма, начиная с Локка, человек *имеет* свое тело в собственности и, следовательно, может использовать его, трансформировать и продавать, словно тело — это раб. В этом смысле, с точки зрения концептуальных категорий, либерализм выворачивает нацистскую перспективу наизнанку, перенося собственность над телом от государства к индивиду, но остается в рамках того же биополитического словаря. Именно эта биополитическая составляющая либерализма отделяет его от демократии.

Несколько заостряя тезис, можно сказать, что вернуться к либеральной демократии после так называемых тоталитаризмов невозможно просто потому, что как таковая либеральная демократия никогда по-настоящему не существовала. Деконструкция категорий

¹⁰ О различии между *ζῷον* и *bios* см.: Агамбен Д. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Д. Агамбен. — М.: Издательство «Европа», 2011. — 256 с. — ISBN 978-5-9739-0202-5.

тоталитаризма, позволяющей ставить в один ряд нацизм и коммунизм, должна быть дополнена проблематизацией понятия либеральной демократии. Как отмечал Карл Шмитт в своем эссе о парламентаризме и демократии, идеология либерализма если и не противоположна идеологии демократии, то разительно отличается от нее¹¹. Логика, предпосылки и концептуальный язык либерализма отмечены антиэгалитаризмом, партикуляризмом и иногда даже натурализмом, тогда как демократия, напротив, стремится к эгалитаризму и универсализму. Если мы откажемся от историцизма в понимании Модерна, то мы увидим, что действительно важное концептуальное различие проходит вовсе не между либерально-демократическими и тоталитарными режимами, сменяющими друг друга на непрерывной линии истории. Настоящая линия разлома пересекает, с одной стороны, демократию и коммунизм, причем коммунизм является пароксизмальным завершением эгалитаризма демократии, а с другой — биополитику, которая, в свою очередь, раскалывается на две противоположные, но не чуждые друг другу формы: нацизм и либерализм, государственную биополитику и биополитику индивида.

Как показал Фуко, либерализм тесно связан с биополитикой, поскольку придает центральное значение вопросам управления жизнью. Таким образом, либерализм если не противоречит, то, по крайней мере, занимает внешнее положение по отношению к универсалистским процедурам демократии. Демократия, основанная на признании примата прав и свобод людей, наделенных разумом и волей, к 1920–1930-м годам уже пришла в упадок и не может быть восстановлена, не говоря уже о том, чтобы экспортировать ее куда-то еще. Разумеется, если свести демократический режим исключительно к формальному наличию политических партий, конкурирующих друг с другом, и к электоральной системе, с помощью которой формируется правящее большинство, то всегда можно утверждать, что число демократий в мире продолжает расти — и сегодня можно встретить такие утверждения. Но подобная редукция не позволяет распознать радикальные преобразования, охватившие демократические режимы, в результате которых открывается семантическая область, которую не покрывает традиционное понятие демократии. Не поймите меня неправильно: выдвигая этот тезис, я не имею в виду те

¹¹ Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма. Предварительные замечания (О противоположности парламентаризма и демократии) / К. Шмитт // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8. – № 2. – С. 6–16.

дисфункции, дефекты, ограничения и противоречия, которые можно найти в любых политических формах. Последние, в самом деле, никогда не бывают совершенными. То, о чем я говорю, касается глубокого разрыва внутри самого демократического горизонта. Этот разрыв становится заметным, как только мы смещаем взгляд с формы на содержание, на «материал» текущего политического режима. Верно, что демократия как таковая не имеет содержания; это технология, совокупность правил, направленных на пропорциональное распределение власти в соответствии с волей избирателей. Но именно по этой причине демократия взрывается, когда вбирает в себя субстанцию, которую она не способна сдерживать, не превращаясь в нечто радикально иное.

Эта субстанция — не что иное, как биологическая жизнь индивидов и популяции. Сегодня она оказывается в центре всех важнейших политических решений. Разумеется, это не значит, что в ходе взаимодействий и столкновений между различными политическими силами на карту не ставятся и другие вопросы, касающиеся международных отношений и внутренних дел, моделей экономического развития и определения гражданских прав. Однако подрывной элемент по отношению к традиционным демократиям состоит в том, что каждый из этих вопросов отсылает непосредственно к телам граждан. Мы можем проследить направление этого парадигмального сдвига на примере Италии: большинство не так давно принятых законов, которые разрабатывались с опорой на общественное мнение, касались запрета курения, наркотиков, а также вопросов общественной безопасности, иммиграции и искусственного оплодотворения. Модель здравоохранения стала не только привилегированным объектом, но и самой формой политической жизни. Следовательно, формой политики, для которой жизнь является единственно возможным источником легитимности. Этот сдвиг связан главным образом с тем, что граждане постоянно интерpellируются или объективно вовлекаются в процессы, связанные с вопросами о сохранении и границах их собственных тел. Но в тот решающий момент, когда живое или умирающее тело как символически, так и материально помещается в центр политических трансформаций и конфликтов, мы переходим в область, которая находится не «до» или «после» демократии, как иногда выражаются, а за ее пределами. Не только за пределами ее процедур, но также за пределами ее языка и концептуального аппарата. Демократия всегда обращена к множеству субъектов, равных постольку, поскольку они

берутся как чисто логические атомы, наделенные рациональной волей, и в этом смысле они отделены от собственных тел.

Такая абстракция или заключение тела в скобки также переключается с центральной ролью личности в демократической практике, причем «личность», в соответствии с первоначальным значением термина, понимается именно как развоплощенная субъективность, которая отлична от влечений, потребностей и желаний, принадлежащих измерению телесного¹². Но когда происходит реконструируемый нами биополитический поворот, это телесное измерение становится субъектом и объектом политического управления, и тогда принцип равенства оказывается под вопросом. Дело в том, что он неприменим к телу, которое как таковое отличается от всех других тел в соответствии с определенными, но исторически подвижными критериями. Кроме того, под вопросом оказывается целый ряд различий и оппозиций, на которых основывается концепция современной политики в целом и демократия в частности: публичное и приватное, искусственное и естественное, право и теология. В тот момент, когда тело замещает или дополняет абстрактный субъект права, становится трудно, если вообще возможно, определить, что относится к публичной сфере, а что к приватной, отличить то, что принадлежит естественному порядку, от того, что допускает техническое вмешательство — со всеми сопутствующими этическими и религиозными коллизиями.

Причина подобной неразличимости и тех резких контрастов, которые она неизбежно вызывает, заключается в том, что в пространстве человеческой жизни публичное и приватное, естественное и искусственное, политическое и теологическое оказываются так сильно переплетены, что никакое решение большинства не может развязать этот узел. Именно поэтому биополитика несовместима с концептуальным лексиконом демократии, и захват жизни аппаратами власти указывает на ее закат. По крайней мере, на закат известного нам вида демократии. Конечно, это не означает, что невозможна какая-то другая демократия, совместимая с разворачивающимся на наших глазах и уже необратимым биополитическим поворотом. Но где нам искать и как мыслить такую биополитическую демократию, или демократическую биополитику, которая не использовала бы тела, а использовалась ради них? Это непростой вопрос. Сейчас

¹² См.: Esposito R. *Terza persona: Politica della vita e filosofia dell'impersonale* / R. Esposito. Turin: Einaudi, 2007. – 184 p. – ISBN 978-8806187811.

перед нами лишь смутные очертания возможного ответа. Однако с определенностью можно сказать, что мышление в этом направлении требует, чтобы мы отбросили все старые философии истории с их концептуальными парадигмами.

Библиография

1. Del Noce A. L'Interpretazione transpolitica della storia contemporanea / Del Noce A. – Naples: Guida, 1982. – 47 p. – ISBN 9788870421613.
2. Арендт Х. Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. – М.: ЦентрКом, 1996. – 672 с. – ISBN 5-87129-006-X.
3. Talmon J. L. The Origins of Totalitarian Democracy / J. L. Talmon. – London: Secker & Warburg, 1952. – 366 p.
4. Furet F. Revolutionary France, 1770–1880 / F. Furet. – Oxford: Blackwell, 1992. – 630 p. – ISBN 978-0631170297.
5. Furet F. The Passing of an Illusion: The Idea of Communism in the Twentieth Century / F. Furet. – Chicago: University of Chicago Press, 1999. – 596 p. – ISBN 978-0226273419.
6. Арон Р. Опиум интеллектуалов / Р. Арон. – М.: АСТ, 2015. – 480 с. – ISBN 978-5-17-081909-6.
7. Aron R. Democracy and Totalitarianism: A Theory of Political Systems / R. Aron. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1990. – 262 p. – ISBN 978-0472064519.
8. Aron R. Power, Modernity, and Sociology: Selected Sociological Writings / R. Aron / D. Schnapper (ed.). – London: Edward Elgar Publishing, 1988. – 234 p. – ISBN 978-1852780302.
9. Gauchet M., Swain G. Madness and Democracy: The Modern Psychiatric Universe / M. Gauchet, G. Swain. – Princeton: Princeton University Press, 1999. – 360 p. – ISBN 978-0691033723.
10. Gauchet M. La Révolution des pouvoirs: La Souveraineté, le peuple, et la représentation, 1789–1799 / M. Gauchet. – Paris: Gallimard, 1995. – 304 p. – ISBN 978-2070742974.
11. Gauchet M. La Révolution des droits de l'homme / M. Gauchet. – Paris: Gallimard, 1989. – 341 p. – ISBN 2-07-071583-3.
12. Lefort C. Writing: The Political Test / C. Lefort. – Durham: Duke University Press Books, 2000. – 312 p. – ISBN 978-0822325208.
13. Lefort C. La Complication: Retour sur le communisme / C. Lefort. – Paris: Fayard, 1999. – 257 p. – ISBN 978-2213603155.

14. Нольте Э. Европейская гражданская война (1917–1945). Национал-социализм и большевизм / Э. Нольте. – М.: Логос, 2003. – 528 с. – ISBN 5-8163-0046-6.

15. Levinas E. Reflections on the Philosophy of Hitlerism / E. Levinas // *Critical Inquiry*. – 1990. – Vol. 17. – P. 62–71.

16. Агамбен Д. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь / Д. Агамбен. – М.: Издательство «Европа», 2011. – 256 с. – ISBN 978-5-9739-0202-5.

17. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма. Предварительные замечания (О противоположности парламентаризма и демократии) / К. Шмитт // *Социологическое обозрение*. – 2009. – Т. 8. – № 2. – С. 6–16.

18. Esposito R. Terza persona: Politica della vita e filosofia dell'impersonale / R. Esposito Turin: Einaudi, 2007. – 184 p. – ISBN 978-8806187811.

Totalitarianism or Biopolitics? Concerning a Philosophical Interpretation of the Twentieth Century

Roberto Esposito — Professor of Theoretical Philosophy at the Scuola Normale Superiore; Pisa, Italy; e-mail: roberto.esposito@sns.it

Transl.: Mihail ZHuravlev — PhD student of the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russia; e-mail: zj-mk@yandex.ru

Keywords: life, power, biopolitics, democracy, totalitarianism

The article explores the relation between historical knowledge and political philosophy of sovereignty in Michel Foucault's late work. The concept of «political historicism», introduced in «Society Must Be Defended» lectures, is analysed. This concept was not further developed by Foucault and thus has not attracted due attention in literature. However, its principles are incorporated into the genealogical method. According to Foucault, the classic theory of sovereignty initially articulated by Thomas Hobbes emerged as a counterweight to the historical-political discourse of seventeenth-century England. Although it includes the construct of «war of all against all», the historical factuality of war is not seen essential to the institution of political order. Historical knowledge is systematically disqualified from Hobbes's theory, which Foucault examines in its polemical context. He states that Hobbes opposes contemporary political historicism, which insists that any political idea can only be understood as a weapon of a particular ideological struggle. Despite all the differences between variants of political historicism developed from 17th century onwards, this kind of discourse always presupposes a specific form of sociology. According to that, the structure of society is binary, as it is constantly being split apart by two conflicting groups. Political history is thus the history of war within society. Contrary to the classic theory of sovereignty, this sociology systematically opposes society and the state. Here the state is seen not as a product of social

contract, but as a result of situational balance of powers, an instrument of continuation of the everlasting war within society by nonmilitary means. The article shows that Foucault not only studies political historicism as a form of historical knowledge, but also adheres to its principles in his own critique of sovereignty as a crucial component of the recent biopolitical dispositive. This is precisely the reason why among Foucault's better-known studies in genealogy, «Society Must Be Defended» is the closest one to a purely sociological work. Therefore, the more thorough study of political historicism allows to rehabilitate a relatively less explored region of Foucault's oeuvre and to outline new productive ways of keeping his legacy relevant while acknowledging the shortcomings of his method.

References

1. Del Noce A. L'Interpretazione transpolitica della storia contemporanea / Del Noce A. – Naples: Guida, 1982. – 47 p. – ISBN 9788870421613.
2. Arendt H. Istoki totalitarizma [The Origins of Totalitarianism] / H. Arendt. – Moscow: TsentrKom, 1996. – 672 p. – ISBN 5-87129-006-X. (In Russian)
3. Talmon J. L. The Origins of Totalitarian Democracy / J. L. Talmon. – London: Secker & Warburg, 1952. – 366 p.
4. Furet F. Revolutionary France, 1770–1880 / F. Furet. – Oxford: Blackwell, 1992. – 630 p. – ISBN 978-0631170297.
5. Furet F. The Passing of an Illusion: The Idea of Communism in the Twentieth Century / F. Furet. – Chicago: University of Chicago Press, 1999. – 596 p. – ISBN 978-0226273419.
6. Aron R. Opium intellektualov [The Opium of the Intellectuals] / R. Aron. – Moscow: AST, 2015. – 480 p. – ISBN 978-5-17-081909-6. (In Russian)
7. Aron R. Democracy and Totalitarianism: A Theory of Political Systems / R. Aron. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1990. – 262 p. – ISBN 978-0472064519.
8. Aron R. Power, Modernity, and Sociology: Selected Sociological Writings / R. Aron / D. Schnapper (ed.). – London: Edward Elgar Publishing, 1988. – 234 p. – ISBN 978-1852780302.
9. Gauchet M., Swain G. Madness and Democracy: The Modern Psychiatric Universe / M. Gauchet, G. Swain. – Princeton: Princeton University Press, 1999. – 360 p. – ISBN 978-0691033723.

10. Gauchet M. La Révolution des pouvoirs: La Souveraineté, le peuple, et la représentation, 1789–1799 / M. Gauchet. – Paris: Gallimard, 1995. – 304 p. – ISBN 978-2070742974.

11. Gauchet M. La Révolution des droits de l'homme / M. Gauchet. – Paris: Gallimard, 1989. – 341 p. – ISBN 2-07-071583-3.

12. Lefort C. Writing: The Political Test / C. Lefort. – Durham: Duke University Press Books, 2000. – 312 p. – ISBN 978-0822325208.

13. Lefort C. La Complication: Retour sur le communisme / C. Lefort. – Paris: Fayard, 1999. – 257 p. – ISBN 978-2213603155.

14. Nolte E. Evropeiskaya grazhdanskaya voyna (1917–1945). Natsional-sotsializm i bol'shevizm [European Civil War (1917–1945). National Socialism and Bolshevism] / E. Nolte. – Moscow: Logos, 2003. – 528 p. – ISBN 5-8163-0046-6. (In Russian)

15. Levinas E. Reflections on the Philosophy of Hitlerism / E. Levinas // Critical Inquiry. – 1990. – Vol. 17. – P. 62–71.

16. Agamben G. Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn' [Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life] / G. Agamben. – Moscow: Izdatel'stvo «Evropa», 2011. – 256 p. – ISBN 978-5-9739-0202-5. (In Russian)

17. Schmitt C. Dukhovno-istoricheskoe sostoyanie sovremennogo parlamentaryzma. Predvaritel'nye zamechaniya (O protivopolozhnosti parlamentaryzma i demokratii) [The Spiritual-Historical Condition of Contemporary Parliamentarism. Preliminary Remarks (On the Opposition of Parliamentarism and Democracy)] / C. Schmitt // Russian Sociological Review. – 2009. – Vol. 8. – No. 2. – P. 6–16. (In Russian)

18. Esposito R. Terza persona: Politica della vita e filosofia dell'impersonale / R. Esposito. – Turin: Einaudi, 2007. – 184 p. – ISBN 978-8806187811.